

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 1990 г.

КРЫСЬКО В. Б.

ИСТОРИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО АККУЗАТИВА В «СИНТАКСИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ» А. В. ПОПОВА

Первая (и единственная) часть «Синтаксических исследований» Александра Васильевича Попова (1855—1880), написанная им за год до смерти, в возрасте 23 лет, носит название «Именительный, звательный и винительный в связи с историей развития заложных значений и безличных оборотов в санскрите, зенде, греческом, латинском, немецком, литовском, латышском и славянском наречиях» [1]¹. Основываясь на богатейшем фактическом материале, извлеченном из всех известных в то время древних и ряда новых индоевропейских языков, автор попытался прежде всего воссоздать развитие индоевропейского аккумулятива; анализ именительного и звательного служит вспомогательным средством для решения этой задачи, а исследование залогов и безличных конструкций всецело опирается на историю винительного падежа². Отдельное издание книги вышло посмертно, в 1881 г., причем ни тираж (естественно, незначительный), ни место издания (провинциальный Воронеж) отнюдь не могли способствовать распространению ее в научных кругах. Несмотря на чрезвычайно высокую оценку молодого лингвиста, данную его университетским учителем А. А. Потебней [2], несмотря на весьма положительные отзывы И. В. Нетушила [3, с. 88], а позднее — В. В. Виноградова [4, с. 488—491; 5], А. В. Десницкой [6, с. 24; 7], Н. С. Чемоданова [8], вплоть до настоящего времени труд русского ученого остается вне поля зрения многих языковедов не только за рубежом, но и в нашей стране. Об этом свидетельствует, в частности, отсутствие упоминаний о А. В. Попове в новейших работах, затрагивающих историю индоевропейского предложения и падежной системы (см., например [9—14]). Крайне негативную роль в судьбе рассматриваемой книги сыграла рецензия Ф. Ф. Фортунатова [15]. Сопоставление этого разбора с исследованием Попова дает, однако, основания утверждать, что подробная критика Фортунатова имела своим объектом в первую очередь взгляды немецких компаративистов — Г. Кур-

¹ В дальнейшем все ссылки на страницы указанного издания приводятся в тексте в круглых скобках.

² В статье приняты сокращенные обозначения падежей: ИП — именительный, ВП — винительный, РП — родительный.

циуса и Т. Бенфея, а не разработки самого А. В. Попова. Главное в книге Попова — оригинальное и глубокое сравнительно-историческое и типологическое исследование индоевропейского ВП — к сожалению, не нашло в отзыве Фортунатова сколько-нибудь адекватного отражения [16].

Сейчас, через сто с лишним лет после издания «Синтаксических исследований», в условиях постоянно возрастающего интереса научной общественности к лингвистическому наследию, обращение к этой несправедливо забытой книге имеет, как представляется, не только историко-научное значение: идеи А. В. Попова слишком глубоки, слишком серьезны, слишком перспективны, чтобы лингвистика конца XX в. могла ими пренебрегать.

В качестве главной теоретической посылки Подов принял положение Г. Курциуса о двух формациях индоевропейских падежей: более ранней, к которой принадлежат именительный, звательный и винительный, и более поздней, к которой относятся прочие падежи (с. 1. ср. [16, с. 2501]. Однако и в данном случае, и в дальнейшем, неоднократно ссылаясь на Курциуса, Попов нередко полемизирует с ним; во всяком случае, чисто умозрительные схемы, характерные для указанной работы Курциуса, в труде русского языковеда либо получают глубокое фактическое обоснование, либо, напротив, убедительно опровергаются. Так, в книге Попова цитируются слова Г. Курциуса: «Можно предположить, что было время, когда существовало даже только два падежа: не характеризуемый никаким подвижным суффиксом вокатив и падеж с суффиксом *-M*, к которому только потом, позже присоединился падеж с суффиксом *-S*» [17, с. 251—252]. Однако, в отличие от немецкого компаративиста, Попов не отождествляет чистую основу с вокативом, хотя и соглашается с тем, что «существование падежа, представляющего чистую тему без падежного суффикса, в доисторическое время несомненно» (с. 4). Разграничение вокатива и чистой основы, проведенное Поповым, позволяет утверждать, что он первым указал на возможность существования в древнейшие эпохи праиндоевропейского языка такого состояния, когда падежная система отсутствовала, но имела неоформленную именную основу (позднее — так называемый *casus indefinitus*: см. [6, с. 354—355; 18, с. 54—55, 72]). Образование «первой формации» падежей представлялось Попову в развитии: «в доисторическое время» — чистая основа, затем чистая основа и форма на **-m*, далее к ним присоединилась форма на **-s* (впрочем, как мы увидим, автор допускал и обратное развитие: сначала **-s*, затем **-m*), потом появился вокатив — в итоге возникает первая формация.

Существенное место в монографии занимает исследование вопроса об относительной хронологии возникновения ИП и ВП и об их исходных значениях. Традиционное понимание номинатива как падежа субъекта не учитывает того обстоятельства, что нередко он отмечается и в иных функциях, чередуясь с аккузативом. С другой стороны, первоначальную семантику ВП невозможно свести к значению цели движения, т. к. в индоевропейских языках имеется «целая масса винительных, в которых никакими натяжками нельзя открыть сходства» с пространственным аккузативом (с. 22). Однако и термин «объект» при определении исходного значения ВП «расплывается в нечто неопределенное, неуловимое» (с. 13). Поскольку даже на протяжении письменной истории индоевропейских языков заметны переходы от независимого винительного к зависимому, а в некоторых случаях аккузатив издавна чередуется с номинативом (что возможно только при исконной независимости ВП), то, очевидно, «более

первоначальным винительным следует считать винительный независимый» (с. 28³; ср. [18, с. 117]).

Древнейшим различием между формами на *-*m* и *-*s* (которые можно было бы назвать протоаккузативом и протономинативом) было, по мнению А. В. Попова, различие семантическое: «Падеж на *s* сделался указателем главного предмета, субъекта, производящего действие; падеж на *m* должен был означать нечто противоположное, между прочим пассивный предмет, пассивное состояние» (с. 33). Оба форманта первоначально имели словообразовательное значение: элемент *-*s*, вероятно, служил для образования *pomina agentis*, а элемент *-*m* использовался «как для именительного, так и для винительного названия предметов, означающих нечто второстепенное, зависимое» (с. 34). Деривационный характер суффикса *-*m* ярко обнаруживается в тех случаях, когда соответствующая форма, выражающая зависимый, пассивный предмет, сохраняется при необходимости представить его как предмет действующий, т. е. в функции, тождественной позднему ИП среднего рода (конструкции типа *хождение утомляет*)⁴. Обращает на себя внимание совпадение идеи, высказанной Поповым, со следующим положением Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова: «...Индоевропейские именные образования, оформленные суффиксами *-*s*, *-*os* и *-*om*, можно рассматривать как формы, образованные с помощью деривационных суффиксов — маркеров, соотносящих конкретные имена с одним из бинарных классов — активным или пассивным» [12, I, с. 273, ср. с. 3081. Таким образом, взгляды Попова на первоначальное семантическое соотношение форм на *-*s* и *-*m* отчасти предвосхитили современную теорию активной типологии праиндоевропейского языка.

Анализ именительного и винительного Попов начинает с пограничных конструкций, демонстрирующих нечеткость семантических и функциональных различий между обоими падежами, причем особое внимание уделяет адвербиализованным, «аномальным» формам, которые, по его мнению, сохраняют самые архаичные значения (с. 55), — методологический принцип, фактически отвергнутый в рецензии Ф. Ф. Фортунатова [15, с. 114], но принятый современной лингвистикой [19; 6, с. 388—389; 20, с. 48; 9, с. 155].

Исследуя случаи чередования независимого ИП и ВП в комитативном, или социативном, значении [второстепенный предмет, который находится при другом, главном: ср., например, русск. (фолькл.) *обертывался серым туром золотые р о г а*], А. В. Попов, вопреки мнению Ф. И. Буслаева [21], установил, что мы имеем здесь дело не с эллипсисом, а с древнейшим явлением, которое, в частности, привело к образованию сложных имен (*bahuvrīhi*) типа др.-инд. *narasmahabahuḥ* «муж большая рука» ^>«великорукый» (с. 74).

³ Эта точка зрения противоположна концепции Г. Курциуса, пытавшегося объяснить развитие винительных независимых из винительных зависимых «ослаблением зависимости» (см. с. 168 книги А. В. Попова). Заметим также, что согласно Ж. Одри, наиболее ранним винительным является ВП отдаленного объекта (*objet prospectif*), в принципе идентичный независимому аккузативу А. В. Попова, но сводимый французским исследователем фактически к одному значению — цели [9, с. 175—176].

⁴ Подобное употребление протоаккузатива (инактива) в функции агенса при наличии определенных конститутивных условий дает основание говорить о существовании в праиндоевропейском не только структурно-синтаксического инактива, выраженного формантами на *-*m* и *-*om* [12, I, с. 277], но и — *en pendant* — семантико-синтаксического актива с теми же формантами, превратившегося впоследствии в ИП среднего рода.

Чередование ИП и ВП наблюдается также в значении отношения — менее определенного, когда номинатив (resp. аккузатив) лишь выдвигает, указывает тот предмет, который имеет отношение к ближайшему предложению (ср. греч. "Ελλ7νε<; *slat* to *usvo*; «что касается их происхождения, они греки», первоначально: «происхождение — они греки» — с. 81), или более определенного. На ранних этапах развития индоевропейских языков такие понятия, как одновременность, последовательность, причина, цель и т. д., еще не имели формального выражения, и соответствующие предложения соединялись паратактически. При этом явление, «менее важное для мысли», выражалось предложением без *verbum finitum*, т. е. независимым номинативом или аккузативом: ср. др.-инд. *suhrn me samajdtab punyavan asmi*, букв. «друг мой пришел, я счастлив» (с. 88).

Как свидетельствует материал разных индоевропейских языков, приводимый в «Синтаксических исследованиях», все указанные разновидности ИП в ходе языковой истории вытесняются ВП. Исходя из сформулированного в начале книги положения о первичности аккузатива, Попов в этой связи отмечает: «Первоначально падеж с формой винительного имел все рассмотренные здесь функции (не исключая и подлежащего). Когда к винительному прибавился еще именительный, то падеж этот, не имея строго определенного значения („различие в употреблении обоих суффиксов, очевидно, устанавливалось только постепенно", Curtius, *Zur Chgonol.*, S. 251)⁵, принял на себя те же функции, что и винительный; таким образом явились многочисленные случаи чередования именительного с винительным. Затем, по мере того как именительный становился преимущественно указателем подлежащего и по мере того как язык постепенно достигал большей цельности и стройности в строении предложений, именительный терял рассмотренные выше разнообразные функции и они делались достоянием винительного (пока последний в свою очередь не потерял значительной части их при дальнейшем развитии других падежей)» (с. 100—101). Необходимо, однако, заметить, что, постулируя первичность ВП по сравнению с ИП, А. В. Попов опирался прежде всего на фонетико-морфологические доказательства Г. Курциуса, которые вызвали серьезные сомнения уже в то время (ср. критику Ф. Ф. Фортунатова) и не могут быть приняты современной компаративистикой. Собственных аргументов в пользу первичности аккузатива Попов не привел и, по-видимому, сознавая это, сопроводил процитированное выше заключение весьма знаменательным примечанием, в котором, по сути дела, допускал возможность доказательства большей древности *-х-формы (с. 100)⁶, что, впрочем, никоим образом не отменяет его вывода о первоначальной функциональной недифференцированности протоаккузатива и протономинатива (ср. [23]).

Дальнейшая история этих форм связана с развитием субъектно-объектных отношений, «...сменивших противопоставление именных образований по признаку активности — инактивности» [12, I, с. 313]: «Между именительным и винительным намечается существенное различие: именительный, делаясь преимущественно падежом подлежащего, оставляет

⁵ Ср. высказывание Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова о том, что древнейшая индоевропейская система характеризовалась «...двумя основными именными образованиями, оформившимися в п о с л е д с т в и и в качестве субъектного и общеобъектного падежей, выражавших все основные синтаксические отношения при предикативной форме» [12, I, с. 286] (разрядка моя. — К. В.).

⁶ Относительная хронология происхождения этих форм остается дискуссионным вопросом и в современном языкознании (см. [22]).

постепенно функции объекта в широком смысле и прекращает свое развитие в этом направлении; винительный, оставляя функцию подлежащего... делается падежом объекта в широком смысле и начинает свое специальное богатое развитие в этом направлении» (с. 101).

В трактовке независимого аккузатива — падежа объекта в широком смысле — А. В. Попов развивает мысль Г. Курциуса о винительном {протоаккузативе} как общем косвенном падеже [17, с. 252]. Идея эта, поддержанная в свое время В. И. Шерцлем [24], И. В. Нетушилом [3, с. 93, 106], воспринятая — хотя и в достаточно своеобразной интерпретации — Г. Хиртом [25], нашла убедительное подтверждение в исследованиях А. В. Десницкой [6; 18, с. 70—124] и вполне согласуется с самыми современными представлениями о развитии ВП (ср. [26; 12, I, с. 285]).

Исследование независимых винительных в книге Попова открывается разбором винительных времени и места, которые в своих значениях обнаруживают явный параллелизм, хотя в ходе языковой эволюции вторые подверглись более существенным изменениям. Весьма важным представляется вывод А. В. Попова о том, что «первоначальным пространственным значением винительного не могло быть ни значение на вопрос *куда*, ни значение на вопрос *где*, а соединение того и другого, т. е. безразличие между *куда* и *где*», ср. др.-инд. наречие *devatra* «среди богов» и «в среду богов» (с. 20). Кристаллизация указанных значений приводит к тому, что постепенно винительные, отвечающие на вопросы «где?» и «когда?», либо вытесняются другими падежами, либо приобретают иное значение (ср., например, винительный направления).

Более распространены винительные, выражающие временную и пространственную протяженность. Попов указал на существенное различие между двумя разновидностями этих винительных: аккузативом, обозначающим только продолжение времени и протяжение пространства [эти формы можно назвать ВП временного интервала и ВП расстояния (ср. др.-русс. *отстоишь же от лавры рѣка попьрище одио*. СинП, 184⁷)], и аккузативом, обозначающим продолжение какого-либо действия или пространство, преодолеваемое в процессе движения (лат. *stadium currere*). Винительные первого рода остаются, как говорит Попов, «навсегда близкими к роли самостоятельных предложений» (с. 106; в современном понимании — являются детерминантами [27]). Елироекое совпадение фактов индоевропейских языков в том, что касается функционирования ВП времени и места, указывает, вероятно, на праиндоевропейское происхождение этих конструкций. Поскольку же другие виды независимого аккузатива в разных языках не обнаруживают такого согласия в употреблении, автор заключает, что значения обстоятельств времени и места «... были древнейшими и главными значениями, в которых сказалось разграничение именительного и винительного как различных падежей» (с. 177).

Использование ВП для выражения комитативного значения засвидетельствовано в индоевропейских языках весьма ограниченным кругом примеров, т. к. соответствующее значение, «почти равносильное под-

⁷ Здесь и далее примеры из древне- и старорусского языка, подтверждающие и дополняющие материал А. В. Попова, введены автором настоящей статьи; в статье приняты следующие сокращения используемых источников: ГА — *Истрин В. М.* Книги временные и образные Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. 1. Пг., 1920; ГрД — *Шахматов А. А.* Исследование о двинских грамотах XV в. Ч. II. СПб., 1903; РИБ II — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1875; СинП — Синайский патерик. М., 1967; УСб — Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.

лежащему» (с. 134), обычно выражалось номинативом (*крестьянин и батрак или*), а по мере развития других косвенных падежей переходило и к ним. Разновидностями независимого ВП комитативного являются:

а) винительные сопровождающего предмета, нередко с оттенком инструментального значения (лат. *stabat ense in manu* «стоял с мечом в руке»; с. 130-135);

б) винительные сопровождающего обстоятельства (греч. $\pi\acute{o}\lambda\epsilon\chi\sigma\chi\omicron\nu$ $\epsilon\acute{\alpha}\tau\alpha\tau\alpha$ $\tau\omicron\nu$ $\pi\rho\omicron\nu$ $\chi\alpha\chi\omicron\upsilon\alpha\varsigma\upsilon\nu$ «выступили в поход с так называемой священной войной»; с. 137); на их основе могли развиваться винительные цели (греч. $\alpha^{\wedge}\zeta\upsilon\lambda\epsilon\rho^*$ $\varsigma\chi\iota\varsigma\iota\nu$ «идти с посольством») и винительные образа действия (Гоог $\chi\iota\upsilon\omicron\zeta$ $-(\omicron\rho\acute{\alpha}\nu$ $\epsilon\omicron\upsilon\iota$ «с такой же быстротой войти внутрь»; с. 138-139).

Первым видом винительных отношения является ВП простого отношения, типа др.-инд. *pata* «по имени». В тех же случаях, когда аккузатив получает более определенный оттенок значения, соответствующие формы могут быть разделены на: а) винительные, обозначающие сферу проявления действия или состояния (винительный отношения: ср. греч. $\upsilon\alpha\lambda\lambda\omicron\chi\omicron$ $-z\iota\rho$ $\pi\epsilon\rho\alpha\chi\upsilon$ «я болею головой») б) винительные коммодальные, обозначающие лицо, к которому относится действие или состояние. Исследуя примеры последнего типа (др.-инд. *vacasam na mantave* «не изучить и мудрецу», лат. *me puditum est* «мне стыдно»), А. В. Попов дал убедительное объяснение подобному употреблению ВП: «Есфф предмет, который должен бы быть подлежащим, является не столько производителем действия или состояния, сколько предметом, в котором проявляется действие или состояние, то более уместным было поставить на месте подлежащего не именительный, а падеж коммодальный (т. е. первоначально винительный, а позже дательный и другие)» (с. 154) (ср. [20, с. 75]). Важным и перспективным представляется замечание Попова о существовании коммодального значения у возвратного местоимения *se, использовавшегося для образования балто-славянских рефлексивных глаголов (с. 150 — 151). Это положение позволяет удовлетворительно истолковать косвенно-возвратные формы, образованные не только с помощью дативного *si* (лит. *nusipirkti*, чеш. *koupit si* «купить себе»), но и с помощью аккузативного *sĕ*: ср. *роздилишаС...* Максимовы *дѣти земли и воды* (ГрД, 142).

Второй вид данного ВП — винительный определенного отношения — не получил широкого распространения, т. к. в связи с развитием падежной системы соответствующие значения были восприняты другими косвенными падежами. В его пределах выделяются следующие оттенки: а) ВП причины (греч. $\chi\iota\pi\iota\nu$ $\alpha/\omega\omicron\iota\omicron\tau$ $\epsilon\chi\chi\omicron$; «сильно страдаю от раны»); б) ВП образа или пояснения (т-ф) $\varsigma\rho\iota\upsilon\acute{o}\nu$ «по природе»); в) ВП результата и соотносящийся с ним ВП внутреннего объекта ($\chi\chi\omicron$: $\omicron\beta\iota\gamma\alpha\alpha\tau$ «поразить так, что появляется рана»; $\alpha\chi\chi\iota\kappa\iota$ $h\chi\epsilon\mu$ $\alpha\chi\epsilon\mu\omicron\chi$, первоначально «он погибает: печальная гибель») (с. 155—160).

Рассмотрение различных типов независимого аккузатива приводит А. В. Попова к важному выводу, подтверждающему гипотезы, выдвинутые в начале исследования: «Винительный независимый представляет необыкновенное разнообразие в употреблении; это служит подтверждением того положения, что винительный есть наиболее древний косвенный падеж и что он некогда был *общим косвенным падежом*... с другой стороны, так как наибольшее разнообразие употребления представляет винительный независимый, то это служит указанием на то, что винительный независимый первоначальнее винительного зависимого» (с. 164) (ср. [15 с. [118]]).

Древние индоевропейские языки отражают процесс перехода от независимых винительных к зависимым, причем первоначально понятие зависимости весьма неопределенно (с. 164—169). Главный критерий для различия зависимого, т. е. объектного, аккузатива — способность его преобразовываться в номинатив в страдательном обороте — оказывается релевантным лишь на сравнительно поздних этапах языкового развития, когда начинают разграничиваться, с одной стороны, переходность и непереходность, а с другой стороны — действительные и страдательные значения глагольных форм. Приводимые Поповым примеры типа др.-инд. *gata-* «идущий, шедший» и «тот, по которому, к которому идут», *apta-* «достигший» и «достигнутый» показывают, что первоначально в конструкциях со страдательными причастиями не различались деятель, пациент и даже само действие, и в зависимости от контекста они могли выражать все указанные значения. Для древних периодов языковой истории характерно более широкое распространение пассивных оборотов, образующихся, в частности, и от глаголов, которые в письменную эпоху уже не встречаются в сочетании с ВП объекта: ср. др.-русск. *нешествованы соут поу-стыя ты страны* (ГА, 49) или *земля... от разбоиникъ х о д и м а* (УСб, 436) при отсутствии конструкций типа **ишествовати страны* или **ходити землю*. Объяснить такое употребление можно, лишь допустив, что «не один только винительный объекта в позднейшем значении мог быть подлежащим страдательных оборотов, а и винительный как „общий косвенный падеж"» (с. 180); иными словами, образование пассивных форм происходило в то время, когда ВП еще не специализировался в значении прямого объекта и собственно транзитивности, т. е. способности глагола управлять прямообъектным аккузативом, как особая глагольная категория находилась лишь в стадии зарождения.

Итак, кристаллизация прямообъектного значения ВП представляет собой результат длительного развития независимого аккузатива. Поэтому вполне закономерно «систематизировать винительные объекта сообразно с системой винительных независимых» (с. 182). До публикации «Синтаксических исследований» (собственно говоря, и позже) все попытки классификации объектных винительных опирались на совершенно иной принцип — перечисление различных значений аккузатива в соответствии с лексико-семантическими группами управляющих глаголов (см., например [28]). А. В. Попов, сохраняя деление на три группы (винительные объекта времени и места; винительные объекта комитативные; объектные винительные отношения), не только установил истоки многообразных оттенков объектного ВП, но и определил точки взаимодействия между ними и пути развития новых значений.

1. Винительные объекта первого рода (времени и места). Сравнительно небольшую роль в формировании объектной функции аккузатива сыграли винительные времени. Объясняется это тем, что обстоятельства времени представляют собой нечто внешнее для действия (с. 185). Лишь в тех редких случаях, когда временной аккузатив преобразуется в подлежащее страдательной конструкции, т. е. продолжение времени становится «главным предметом речи» (ср. лат. *tertia jam vivitur aetas*), можно предположить, что ВП приобретает большую зависимость от глагола; именно на основе подобного употребления развиваются транзитивные конструкции типа *прожить век*.

Более близки к действию, выражаемому сказуемым, обстоятельства места, поскольку действие одного предмета обычно проявляется в другом, который предстает либо как сфера, либо как цель действия (с. 185). Соот-

ветственно винительные пространственного объекта восходят либо к винительным протяжения [ср. др.-инд. *devadatto gramam gacchati* «Девадатта ходит по деревне» при возможной пассивной трансформации *gato gramo devadattena* «деревня (про)ходится, пройдена Девадаттой» — с. 186], либо к винительным цели, к которой направляется или которой достигает движение (ВП при глаголах типа *идти, вести, класть куда-либо* ^> *давать, делать кому-либо; кричать, звать, говорить, приказывать, учить; достигать* ^> *схватывать, держать, иметь, владеть, побеждать, бить, похищать* и т. д. — с. 190—205) (ср. [9, с. 157]).

2. Винительные объекта второго рода (комитативные). На конкретном примере глаголов, восходящих к индоевропейскому корню **НлеТс-* и выражающих в отдельных языках либо движение одного субъекта («идти»), либо его действие по перемещению какого-либо объекта («нести»), А. В. Попов показал, что «значение *нести* есть специализированное значение движения, шествия (именно идти с кем, с чем), а винительный, очевидно, означает тот предмет, с которым совершается движение, шествие» (с. 213) (ср. аналогичный вывод в статье [10, с. 144]). Нечеткость границ между первичным комитативным и вторичным объектным значением ВП сохраняется и в историческую эпоху: так, греч. *Ἐξῃ ἰρ βῦν ἔρῃ-οἰοί σρρ* 'лы'Яя может быть переведено как «Гектор меж-ду передними шел со щитом» и «Гектор ... нес щит» (с. 216).

Глаголы, сочетающиеся с комитативным объектом, можно разделить на две группы в зависимости от того, обозначают ли они совместное движение субъекта и объекта (*нести, везти, переправлять*) или же движение одного объекта при неподвижном субъекте (*двигать, махать, бросать, посылать, давать*).

3. Винительные объекта третьего рода (отношения) занимают весьма незначительное место среди объектных винительных, поскольку соответствующие формы независимого аккузатива вследствие чрезмерного разнообразия и неопределенности своей семантики в ходе развития индоевропейских языков были в основном вытеснены другими падежами. Лишь две разновидности ВП отношения, а именно винительные повода и некоторые винительные результата, «становятся в более близкие отношения к глаголам» (с. 225): ср. греч. *ἰδὼν αὐτοαἰ-ἰξσν* *Δοσχ7*§<к «удивляясь слову Диомеда», *κτ-γю -хХт^ε^* «наносу удар».

В процессе развития прямообъектного аккузатива его употребление подвергается различным усложнениям и специализациям. А. В. Попов указал на три вида усложнений винительного: а) двойные винительные б) вторые винительные; в) винительные с инфинитивом.

Причина возникновения двойных винительных, по мнению Попова, заключается в ТОЛЕ, ЧТО аккузатив представлял собой падеж объекта в широком смысле, а таких объектов в предложении могло быть несколько. Становление прямообъектной функции ВП приводит к разграничению винительных независимых и зависимых, а затем — к дифференциации ближайшего и отдаленного объектов. Поскольку ВП все более специализируется в функции прямого объекта, противопоставляясь в этом качестве подлежащему страдательного оборота, и поскольку в предложении может быть только одно подлежащее, естественно, что один из объектных винительных должен быть заменен либо иными косвенными падежами, либо предложно-падежными формами (с. 242).

Двойные винительные (или, точнее, двойные объектные винительные [29]) представлены двумя основными видами.

1) Двойные винительные одного значения различаются тем, что один

из них определяет объект более общим, а другой — более частным образом. И тот, и другой аккузатив восходят к независимому ВП цели: ср. др.-инд. *saranarh jami daivatani* «я прошу у божеств защиты» (букв. «я прихожу к божествам к защите», с. 243—244).

2) Двойные винительные различного значения образуются в результате присоединения к глаголу объектов, обозначающих предметы: а) по которым осуществляется движение «В П места»; б) к которым направляется движение (<^ВП цели); в) с которыми происходит движение (<ГВП комитативный). Различные комбинации этих объектов дают конструкции со следующими исходными значениями (с. 246—250): а) «двигаться по чему к чему»; б) «двигаться до чему с кем» ^> «нести, вести кого-что к чему» (например, лтш. *irbif mani ce\i veda* «куропатка вела меня по дороге»); в) «двигаться к чему с чем» ^> «нести, пускать что куда» (греч. *χαυα γσοΧΧα sorusv Truks* «причинил многие бедствия троянцам»); сюда же относятся винительные при глаголах со значением «издавать звуки» («говорить» ^> ^> «поучать»): ср. др.-русск. *звѣздоzakонѣнцѣ Егуптѣны научи* (ГА, 51).

От двойных объектных винительных необходимо отличать конструкции со вторыми винительными (термин А. А. Потебни, см. [30]), которые являются предикативными приложениями к первому, объектным винительным и, в отличие от обычных приложений, обозначают признак «не как данный, существующий готовым в определяемом, а как дающийся, возникающий в момент речи» (с. 251). При трансформации действительного оборота в страдательный второй ВП вместе с первым — как приложение к нему — переходит в номинатив, между тем как в конструкции с двойным винительным номинативному преобразованию подвергается лишь один ВП: ср. др.-инд. *Savitrlm pita adat snusam* «отец дал Савитри (ВП) в невестки / невесткой (ВП)» — *Savitrl pitra datta snusa* «Савитри (ИП) дана отцом в невестки (ИП)».

Третий тип осложненного аккузатива — винительный с инфинитивом — включает два рода конструкций. В одних ВП является объектом при сказуемом, а инфинитив сохраняет функцию косвенного падежа отглагольного существительного в значении цели (ср. русск. *пусти меня идти*). В других ВП сохраняет исконную независимость, выступая как *accusativus commodi* (ср. например, греч. *ἔλθ' ἡμᾶς* «мне претерпеть это!», с. 275—276).

Переходя к «специализациям» объектных винительных, т. е. ограничениям в использовании аккузатива, А. В. Попов указал, что отмеченное в древних индоевропейских языках употребление ВП при именах является реликтом первоначальной недифференцированности имени и глагола: «имена-причастия» (и вообще отглагольные имена) «могли иметь при себе те же падежи, как и сродные с ними глаголы» (с. 278): ср. греч. *ὅς ῥαφ-ἔλθ' ὁσθεῖ* «никто не (есть) могущий избежать тебя». Разграничение частей речи приводит и к дифференциации их сочетаемости: глагол соединяется преимущественно с ВП, имена — с РП.

Важным этапом в процессе становления прямообъектного аккузатива явилось более четкое лексико-грамматическое разделение глаголов на переходные и непереходные. Это было достигнуто, во-первых, за счет семантического специализирования первоначально неопределенных в отношении транзитивности—интранзитивности (т. е. нейтральных, абсолютных, диффузных [18, с. 129; 12, I, с. 294]) глагольных основ: так, например, глаголы, восходящие к корню **H₂ne/c-*, который совмещал в индоевропейском более раннее значение «идти, достигать» с более поздним «нести», в отдельных языках выступают либо в первом (непереходном),

либо во втором (переходном) значении. Кроме того, разграничению транзитивов и интранзитивов способствовало развитие фактивных (казуативных) глаголов с суф. **е*; *о*-, **ю*-, а также формирование деноминативов (типа *белить*). Наконец, большое значение в истории ВП имела дифференциация «наречных частиц» (с. 285), первоначально не соединявшихся ни с глаголом, ни с именем (ср. ст.-русс. *Карскую губу черезъ бѣжали*: РИБ II 1092). Превращение этих «частиц» либо в глагольные префиксы, либо в предлоги повлекло за собой дальнейшее разделение транзитивов и интранзитивов.

Существенные изменения в функционировании объектного ВП связаны с дифференциацией залогов: действительного, медиального и страдательного. А. В. Попов рассматривает меди и рефлексив в единстве — как два способа выражения одной категории среднего залога — и считает «оба способа образования медиума одинаково первоначальными» (с. 289), что в принципе согласуется с современными представлениями об «ареально-диалектной обусловленности» меди «в пределах общиндоевропейского языка» [12, I, с. 331]. Поскольку медиальные окончания и возвратный элемент выступают при большинстве глаголов как субституты прямого объекта, а само значение объекта представляет собой результат длительного процесса разграничения первоначально диффузных функций, закономерно предположить, что «значения, которые сообщались глаголу» данными формантами, «должны соответствовать древним значениям винительного вообще» (с. 289), т. е. ВП как общего косвенного падежа. Мысль о связи между значениями меди и рефлексива и аналогичным диапазоном значений протоаккузатива позволила Попову убедительно объяснить происхождение всех разновидностей медиальных и возвратных глаголов (что было бы, однако, крайне затруднительно, если бы семантика медиальных или рефлексивных показателей возводилась только к прямо-объектному аккузативу, а исходная функционально-семантическая сфера меди и рефлексива ограничивалась лишь прямовозвратным значением), ср. [31]⁸.

На основе меди развиваются личные страдательные формы глагола. Одной из важнейших функций меди является указание на совпадение субъекта и объекта действия; следовательно, медиальная форма может использоваться в тех случаях, когда «слово, являющееся подлежащим, есть объект действия, означенного сказуемым» (с. 298). Но ведь именно таково значение личных страдательных оборотов, ср.: *Одиссей назывался именем Никто* (т. е. «назвал себя») и *Остров назывался Итака* («был называем»). Очевидно, что переход от рефлексивного к пассивному значению в подобных формах сопровождался, во-первых, установлением более четкой дифференциации между семантическим субъектом и грамматическим подлежащим (что, в свою очередь, влекло за собой формирование особых средств для выражения агенса в пассивной конструкции [32]), а во-вторых, изменением глагольной валентности: если в медиальной (рефлексивной) конструкции при глаголе был возможен «второй винительный», то в страдательном обороте он заменялся номинативом; таким образом, сфера употребления ВП еще более сокращается.

Глубокое и подробное исследование ограничений и усложнений в использовании аккузатива привело А. В. Попова к принципиальному выводу: «Транзитивность первоначально (и вообще в более древних форма-

⁸ Изложение взглядов Попова на развитие значений медиальных (возвратных) глаголов см. в книге [4, с. 489—490].

циях) вовсе не составляет исключительной принадлежности действительного залога и не противоположна ни медиальности, ни страдательности, и даже не составляет исключительной принадлежности глагола вообще, но свойственна в значительной степени существительному и прилагательному; следовательно, активность первоначально вовсе не тождественна с транзитивностью... Но с течением времени происходит следующее. Между *verba activa transitiva* и *verba activa intransitiva* делается невозможным употребление винительных объекта, и вследствие этого делаются от них невозможными и личные страдательные обороты. Таким образом, суживание употребления винительных объекта идет параллельно с суживанием употребления страдательных оборотов. К этому присоединилось еще то обстоятельство, что язык при дальнейшем развитии начинает избегать двойных винительных, вследствие чего сделались невозможными и те винительные в страдательных личных оборотах, которые оставались винительными при обращении оборота из действительного в страдательный... С другой стороны, вследствие того же стремления избежать двойных винительных *verba media*, как уже заключающие в себе один объект (местоименный), перестают сочетаться с другим объектом, и таким образом медиальность начинает препятствовать присутствию винительного объекта. Если прибавить ко всему этому еще то, что имена существительные и прилагательные еще раньше теряют свое сочинение с винительным объектом, то делается совершенно ясным, что ариоевропейские языки в большей или меньшей степени приходят к тому, что транзитивность делается противоположно медиальности и страдательности и совпадает с активностью» (с. 300-301).

Завершая первую часть своей работы, Попов еще раз вернулся к вопросу об отношении именительного, звательного и винительного к остальным падежам. Синтаксический анализ подтверждает особую древность и близость указанных форм. Что касается ВП, являвшегося основным объектом исследования, то ни один падеж не примыкает так близко к номинативу и не сближается так тесно по значению с другими косвенными падежами, как аккузатив. Эти факты позволяют заключить, что значение прямого объекта есть значение позднейшее, развившееся в результате вытеснения и ограничения более древних значений; в то же время значения большей части других косвенных падежей могут быть возведены к одному аккузативу, выполнявшему некогда функцию общего косвенного падежа (т. е. протоаккузативу) (ср. [26]). Впрочем, «утверждать это положительно можно только после исследования остальных падежей» (с. 307).

К сожалению, безвременно умершему ученому не удалось выполнить эту гигантскую задачу. Однако столетие, прошедшее со времени выхода в свет его книги, показало: практически все то новое, что внес А. В. Попов в разработку вопросов индоевропейского сравнительно-исторического синтаксиса, не только нашло многочисленные подтверждения в трудах лингвистов XX в., но и до сих пор в значительной мере сохраняет новизну и актуальность. Распространению идей выдающегося русского ученого, ознакомлению с ними отечественных и зарубежных языковедов, несомненно, способствовало бы переиздание «Синтаксических исследований» — книги, во многом опередившей свое время*.

* Автор выражает глубокую признательность Л. Г. Герценбергу за помощь в работе над статьей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Попов А. В. Синтаксические исследования. I. Воронеж, 1881.
2. Потёбня А. А. Некролог А. В. Попова // Попов А. В. Синтаксические исследования. I. Воронеж, 1881. Ё. II.
3. Нетушил И. В. Этюды и материалы для научного синтаксиса латинского языка. Т. 2. Харьков, 1885.
4. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М., 1972.
5. Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потёбни и Фортунатова). М., 1958. С. 357.
6. Десницкая А. В. Развитие категории прямого дополнения в индоевропейских языках: Дис. ... докт. филол. наук. Л., 1946.
7. Десницкая А. В. Вопросы изучения родства индоевропейских языков, М." Л., 1955. С. 69.
8. Чеснодов Н. С. Сравнительное языкознание в России. Очерк развития сравнительно-исторического метода в русском языкознании. М., 1956. С. 31—33.
9. Haudry J. L'emploi des cas en vedique (introduction a l'etude des cas en indo-europeen). Lyon, 1977.
10. Степанов Ю. С. Вид, залог, переходность (Балто-славянская проблема. II) // ИАН СЛЯ. 1977. № 2.
11. Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение. М., 1989.
12. Гамкрелдзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. I—II. Тбилиси. 1984.
13. Савченко А. Н., Потемкин Н. А. Происхождение аккузатива в праиндоевропейском языке // Baltistica. 1987. XXIII (2).
14. Степанов Ю. С. Балто-славянское и индоевропейское предложение (проблемы реконструкции) // Baltistica. 1988. XXIV (2).
15. Фортунатов Ф. Ф. Разбор сочинения А. В. Попова: Синтаксические исследования... // Отчет о 26-м присуждении награды графа Уварова. СПб., 1884.
16. Крысько В. Б. Из истории русской лингвистической критики (рецензия Ф. Ф. Фортунатова на «Синтаксические исследования» А. В. Попова) // ИАН СЛЯ. 1990. № 1.
17. Curtius G. Zur Chronologie der indogermanischen Sprachforschung // Abhandl. der philol.-hist. Classe der Konigl. Sachsischen Gesellschaft der Wissenschaften. 1867. Bd 5. № 3. < %
18. Десницкая А. В. Сравнительное языкознание и история языков. Л., 1984.
19. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938. С. 65.
20. Тройский И. М. Общеиндоевропейское языковое состояние (Вопросы реконструкции). Л., 1967.
21. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959. С. 453.
22. Гухман М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981. С. 203.
23. Hirt H. Indogermanische Grammatik. TI VI: Syntax. I. Heidelberg, 1934. S. 78—79.
24. Шерцль В. И. Синтаксис древнеиндийского языка. I. Харьков, 1883. С. 40.
25. Hirt H. Handbuch des Urgermanischen. TI III: Abriss der Syntax. Heidelberg, 1934. S. 49—50.
26. Shields K., Jr. Indo-European noun inflection. A developmental history. L., 1982.
27. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. С. 624.
28. Hubschmann H. Zur Kasuslehre. Munchen, 1875. S. 161—162.
29. Крысько В. Б. Транзитивность возвратных глаголов в русском языке XI—XVIII вв. // Вестн. ЛГУ. 1984. № 2. С. 81, 84.
30. Потёбня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958. С. 295.
31. Савченко А. Н. Происхождение индоевропейского медиа в свете типологических данных // ИАН СЛЯ. 1986. № 6. С. 517.
32. Костюченко Ю. П. Становление значений деятеля страдательного залога и орудия действия (на материале русского и других индоевропейских языков): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1983.